

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-24-31>

Шифр научной специальности 5.1.4

Профессиональный преступный мир в первые годы утверждения советской власти: особенности детерминации и условия развития

© ЗАРУБИНА Кристина Александровна,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>, kris1996z@mail.ru

Аннотация

В переломные моменты истории развития любого государства преступный мир заметно трансформируется. В периоды политической дестабилизации, кризисных явлений в социально-экономической, культурной сферах жизни общества криминогенная обстановка в стране, как правило, ухудшается. При этом во время крушения основ государственности преступный мир не просто трансформируется, а меняет вектор своего развития. Таким периодом для истории России были революционные события 1917 г. и гражданская война – время коренного слома всех государственных институтов, социально-экономических и духовно-нравственных основ, ставшее отправной точкой для формирования и развития монолитного и хорошо организованного профессионального советского преступного мира. Цель исследования – проанализировать особенности детерминации и условия развития профессиональной преступности в первые годы утверждения советской власти. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: изучить особенности развития отечественного профессионального преступного мира в условиях политической нестабильности 1917–1920-х гг.; определить сущность идеологического противоборства представителей «царского» уголовного мира с «новым» советским в первые годы утверждения советской власти; выявить детерминанты развития профессиональной преступности в России в изучаемый период. В процессе работы использовались метод синтеза, анализа, обобщения, сравнительно-правовой метод. Доказано, что на фоне ярко выраженной политической нестабильности 1917–1920-х гг., повлекшей кризис традиционного правосознания, эрозию духовно-нравственных и религиозных ценностей, ухудшение социально-экономического положения большей части населения, наблюдалось резкое обострение криминогенной обстановки и, как следствие, особо активное развитие профессиональной преступности, которая создавала в исследуемый период реальную угрозу не только обществу, но и национальной безопасности государства.

Ключевые слова

профессиональная преступность, профессиональный преступный мир, криминал, детерминанты преступности, «воры в законе», политическая нестабильность, кризисные явления

Благодарности

НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Для цитирования

Зарубина К.А. Профессиональный преступный мир в первые годы утверждения советской власти: особенности детерминации и условия развития // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 24-31. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-24-31>

Professional criminal world in the first years of the establishment of Soviet power: features of determination and conditions of development

© Kristina A. ZARUBINA,

Lecturer of Theory and History of State and Law Department, Southwest State University, 94 50 Let Oktyabrya St., Kursk, 305003, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>, kris1996z@mail.ru

Abstract

At turning points in the history of the development of any state, the underworld is noticeably transformed. During periods of political destabilization, crisis phenomena in the socio-economic, cultural spheres of society, the crime situation in the country, as a rule, worsens. At the same time, during the collapse of the statehood foundations, the criminal world not only transforms, but changes the vector of its development. Such a period in the history of Russia was the revolutionary events of 1917 and the civil war – a time of radical breakdown of all state institutions, socio-economic and spiritual-moral foundations, which became the starting point for the formation and development of a monolithic and well-organized professional Soviet underworld. The purpose of the study is to analyze the features of determination and conditions for the development of professional crime in the first years of the establishment of Soviet power. To achieve this goal, the following tasks are being solved: to study the features of the development of the domestic professional underworld in the conditions of political instability of the 1917–1920s; determine the essence of the ideological confrontation between representatives of the “tsarist” criminal world and the “new” Soviet one in the first years of the establishment of Soviet power; identify the determinants of the development of professional crime in Russia during the period under study. In the process of work, the method of synthesis, analysis, generalization, and comparative legal method are used. It is proven that against the backdrop of pronounced political instability of the 1917–1920s, which led to a crisis of traditional legal consciousness, erosion of spiritual, moral and religious values, deterioration of the socio-economic situation of the majority of the population, there was a sharp aggravation of the crime situation and, as a result, especially the active development of professional crime, which during the period under study created a real threat not only to society, but also to the national security of the state.

Keywords

professional crime, professional underworld, crime, crime determinants, “thieves in law”, political instability, crisis phenomena

Acknowledgements

The research is prepared within the framework of the state task for 2024 “Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state” (number 0851-20200033).

For citation

Zarubina, K.A. (2024). Professional criminal world in the first years of the establishment of Soviet power: features of determination and conditions of development. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 24-31 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-24-31>

Введение

Общеизвестно, что кризисные явления в разных сферах жизни общества и государства ухудшают криминогенную ситуацию. Даже в современной России, по справедливому замечанию доктора юридических наук В.Д. Малкова, на рост преступности, повышение степени общественной опасности некоторых видов преступлений оказывает самое непосредственное влияние сложившаяся

социальная напряженность, снижение авторитета органов власти, а также кризисные явления в политике, социально-экономической сфере [1]. Стоит ли говорить о том, что в периоды смены формы правления, государственного устройства, крушения духовных, социально-экономических, политических основ государственности уголовный мир перестает быть контролируемым, и из «недр» преступности высвобождаются «дремлющие»

до этого момента криминальные силы, способные не только значительно ухудшить криминогенную ситуацию в стране, но и разрушить и без того «хрупкие» новые образованные государственные структуры.

Таким периодом в истории России были 1917–1920-е гг. (период революций и гражданской войны), время слома всех дореволюционных буржуазных государственных институтов власти и образования нового государства, построенного на совершенно иных идеологических, духовно-нравственных, социально-экономических и политических началах, чуждых имперскому российскому обществу. Подчеркнем, что именно в это время помимо общего ухудшения криминогенной обстановки (об этом свидетельствуют сохранившиеся статистические сведения¹²) в стране активно развивается профессиональная преступность, как особо опасный само детерминирующий вид преступности, представляющий существенную угрозу обществу и национальной безопасности государства в целом. Однако сам факт ухудшения криминогенной обстановки в сложных политических, социально-экономических и духовных условиях не стоит воспринимать как данность, поскольку факторы, детерминирующие развитие преступности, в том числе и профессиональной, в этих условиях также выделяются разные.

Цель исследования – анализ особенностей детерминации и условий развития профессиональной преступности в первые годы утверждения советской власти. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: изучить особенности развития отечественного профессионального преступного мира в условиях политической нестабильности 1917–1920-х гг.; определить сущность идеологического противоборства представителей «царского» уголовного мира с «новым» советским в первые годы утверждения советской власти; выявить детерминанты развития профессио-

нальной преступности в России в изучаемый период.

В процессе работы над темой использовались метод синтеза, анализа, обобщения, сравнительно-правовой метод, а также некоторые иные методы специального и общенаучного исследования.

Результаты исследования, обсуждения

В первую очередь отметим, что катализатором активизации преступников-профессионалов, как особо опасных криминальных элементов, в рассматриваемый период выступило падение монархии, а вместе с ней и традиционных институтов, охраняющих общественный порядок в стране. После ликвидации имперских полицейских государственных органов в первые годы утверждения советской власти новые «альтернативные» структуры либо еще не были созданы, либо не прошли необходимую «обкатку» в сложных общественно-политических и социально-экономических реалиях. В связи с этим эффективные средства борьбы с преступностью у советской власти пока отсутствовали. Яркий пример неумелых шагов советского правительства по нормализации криминогенной ситуации в стране в исследуемый период – создание рабочей милиции (Постановление Наркомата по внутренним делам РСФСР от 28 октября 1917 г.), не имеющей штатной структуры (фактически на добровольных началах)³. Некоторые исследователи справедливо называют принятое постановление неэффективным источником права, не только не решившим проблемы с обеспечением правопорядка в государстве, но и не нормализовавшим административную деятельность [2]. В подтверждение данного вывода обозначим, что в условиях отсутствия эффективно функционирующей системы противодействия и общеуголовной, и профессиональной преступности нередко население занималось самосудом, собственноручно расправляясь с конокрадами (профессиональными преступниками, промышленными кражами коней), о чем сообщала пресса рассматриваемого периода [3].

¹ Тарновский Е.Н. Движение преступности в 1920–1921 гг. (по данным нарсудов) // Ежедневник советской юстиции. М., 1922. № 19-20. 31 мая. С. 9-10.

² Тарновский Е.Н. Голод, нэп и движение гражданских и уголовных дел в народных судах // Ежедневник советской юстиции. М., 1922. № 29-30. 10–17 авг. С. 9-10.

³ Постановление Наркомата по внутренним делам РСФСР от 28.10.1917. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3940#73oWLyT4tSFhYIVA> (дата обращения: 13.11.2023)

Кроме того, заметим, что поиск действенных мер противодействия как общеуголовной, так и профессиональной преступности не был первоочередной задачей для советского правительства. Общеизвестно, что советская власть, в первую очередь, «расправлялась» не с «традиционными» и, тем более, профессиональными преступниками, а с политическими оппонентами, «врагами народа», вследствие чего уголовная политика страны выстраивалась в совершенно ином русле.

Отдельно подчеркнем, что отсутствие действенных механизмов противодействия преступности было связано, в том числе, с тем, что советская элита все негативные явления развития общества связывала с пережитками прошлого, капиталистическим наследием, поэтому целенаправленная борьба с общеуголовной и, тем более, профессиональной преступностью в первые годы утверждения советской власти не велась. В этот период бытовало мнение, что криминальная ситуация в стране станет благополучной, как только все пережитки капитализма будут устранены. Данную ситуацию хорошо иллюстрирует утверждение советского исследователя, современника событий Г.П. Барина: «Основной источник преступности – это частновладельческая собственность, которая в СССР уничтожена...». Поэтому и преступности, по утверждению ученого, как таковой в советском государстве не было⁴. Небезынтересным представляется утверждение исследователя В.С. Орлова: «Преступность следует за капитализмом, как его тень. Поэтому не может быть и речи о ликвидации преступности в буржуазном обществе». А в связи с тем, что в советском государстве уничтожался капитализм, по утверждению ученого, коренные причины преступности также уничтожались, вследствие чего борьба с преступниками иными мерами не имела смысла⁵.

Так, описываемые факторы самым непосредственным образом сказывались на преступной активности «профессионалов»,

⁴ Барин Г.П. Основные вопросы конституции СССР: пособие для преподавателей средней школы. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1948. С. 247.

⁵ Орлов В.С. Преступления, нет. М.: Знание, 1964. С. 19.

которые в условиях функционирования малоэффективной системы противодействия профессиональной преступности, наконец, почувствовали в определенном смысле свободу.

Еще одним важным фактором, детерминирующим развитие преступности в 1917–1920-х гг., особенно – профессиональной, стало столкновение в результате политического противоборства представителей капиталистического и социалистического лагеря: «царского» уголовного мира с «новым» советским. Отдельные филологи, исследователи криминальной субкультуры и жаргона называли это противоборство «великой битвой», временем, когда «благородный преступный мир» столкнулся с вихрем революции [4]. Однако подчеркнем, что это противоборство было «детисцем» не только Октября 1917 года, но и следствием опрометчивых реформ Временного правительства.

Как известно, А.Ф. Керенский, председатель Временного правительства, для того чтобы привлечь широкие народные массы к «защите нового государственного порядка, открывающего путь к обновлению и светлой жизни», использовал, в том числе, и криминальные силы [5, с. 12]. Таким образом, он стремился «купить» авторитет любыми средствами. С этой целью А.Ф. Керенский объявил весной 1917 г. об общеуголовной амнистии по отношению к целому ряду категорий преступников. По оценкам отдельных исследователей, на свободу вышли до 95 тыс. преступников, что составляло по отношению к общему числу заключенных более 60 % (по состоянию на 1 февраля 1917 г.) [6]. За месяц, с 1 марта по 1 апреля 1917 г., количество заключенных сократилось на 75 %. Так, на свободе для «напряжения творческих сил» (по утверждению самого А.Ф. Керенского) оказались уголовники, которые, к сожалению, не выказали ожидаемой преданности новой власти (Временному правительству). Многие амнистированные не были приняты из-за их прежней преступной деятельности в войсковые части. Часть была исключена из воинских формирований и возвращена для дальнейшего отбывания наказания в места заключения. При этом большинство амнистированных уголовников «растворились»

среди мирного населения, продолжив вести антиобщественный образ жизни [7]. Не удивительно, что они встали в конфронтацию с «благородным» криминальным миром царской России. Как итог, бездумная амнистия привела к обострению криминогенной ситуации в стране.

При этом не только опрометчивые решения Временного правительства привели к расколу преступного мира на два лагеря. Криминальные элементы противостояли друг другу и чисто идеологически. Новую советскую действительность как должное приняли не все. Ряд историков и правоведов справедливо утверждают, что многие несогласные с действующим политическим режимом не стремились открыто выказывать свое недовольство, а находили себя в криминале, противопоставляя новый советский «закон» своему собственному. Не все в открытую боролись с советской властью на фронтах гражданской войны, поэтому нередко неприятие новой политической действительности приводило к слиянию политически оппозиционно настроенных масс с преступностью. В связи с этим облик преступного мира после 1917 г. заметно изменился.

Особо хочется подчеркнуть, что эти изменения коснулись, в том числе, профессиональной преступности. Так, если ранее на профессиональной основе преступления, как правило, совершали представители низших социальных групп, не имеющих средств к существованию (или имеющих, но в недостаточной степени), то в связи с изменением мотивации к профессиональной преступной деятельности (не для собственного материального обогащения, а для выражения протеста против действующего политического режима) некоторым образом изменился социальный портрет типичного преступника, а преступный мир заметно «поумнел». Если ранее даже «профессионалы» совершали по большей части «примитивные» преступления, не требующие серьезного интеллектуального напряжения и тем более особого мастерства, например, традиционные кражи, грубую подделку денежных средств и т. д., то уже после 1917 г. криминальный профессионализм преступников значительно повысился. Так, многие фальшивомонетчики в дореволюционный период ввиду малогра-

мотности в основном обращали внимание только на цифирные обозначения, поэтому изготовители фальшивок без опаски допускали опечатки в словах: к примеру, иногда на купюрах вместо слова «ходячий» печатали «халячий», а вместо «ассигнация» «ассинация» и т. д. [8]. Однако после утверждения советской власти ситуация изменилась. В связи с приходом в криминальный мир бывшей интеллигенции, среднего класса более распространены стали интеллектуальные разновидности профессиональной преступной деятельности. Например, в этот период активно развивались разные виды мошенничества, в том числе так называемое «нэпманское» (торговое) мошенничество, которое заключалось в организации деятельности всевозможных фиктивных торговых ведомств, «продаже» «воздуха (несуществующих товаров)» и т. п. [9].

Отдельно подчеркнем, что многие политические преступники, вставшие на путь криминала в 1917–1920-х гг., из идеологических соображений в связи с неприятием советской действительности, возглавляя преступные группировки, пытались внедрить в уголовный мир новые «законы», традиции, правила поведения. Например, так в среде высшего криминалитета возник запрет на общественно полезный труд, семью, участие в военных кампаниях, сотрудничество с властями и многое другое [10]. Впоследствии эти идеи были восприняты новой преступной «кастой» – сообществом «воров в законе» [11]. Не случайно во многих источниках указывается на то, что феномен «воров в законе» появился именно после революционных событий 1917 г. [10]. Вследствие этого можно заключить, что столь опасная «категория» преступников, если не появилась в 1917 г. (согласно общепринятой точке зрения эта «каста» возникла в 1920–1930-х гг. [12–14]), то начала формироваться именно на фоне этих исторических событий. Так, именно революционный 1917 год оставил неизгладимый след на развитии российского криминалитета, в том числе и его «профессиональной» части.

Не оставим без внимания и изменение отношения к преступности российского общества после революционных событий 1917 года. Как известно, не только в белогвардей-

ской мемуаристке, но и в сознании широких народных масс большевиков, иных лиц, участвующих в октябрьском перевороте, воспринимали как самых настоящих преступников, посягающих как на основы государственного строя, так и на правопорядок в целом. Измена политическому курсу оценивалась обществом гораздо негативнее, чем, например, преступления против личности или собственности. Как писал в своем дневнике бывший русский военачальник М.Г. Дроздовский: «Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за «буржуизм и контрреволюционность»? Или как отвечать тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом...»⁶ Русский философ первой половины XX века И.А. Ильин прямо ставил знак равенства между революцией и преступлением, большевиками и преступниками [15, с. 374]. Безусловно, неверно оспаривать тот факт, что политическая преступность (к которой, по сути, имели прямую прикосновенность большевики в революционном 1917 г.), всегда считалась одной из самых опасных для государства разновидностей преступности. Однако именно такие серьезные потрясения, как Октябрьская революция 1917 г., переход к строительству совершенно иного, незнакомого и чуждого широкой общественности советского строя, позволили сформировать удачный «сравнительный ряд», по-иному оценить другие виды правонарушений, и если сформировать у общества не положительное отношение к «обычной», а также профессиональной преступности, то хотя бы нейтральное.

И, наконец, отметим, что общее ухудшение материального положения большей части населения в связи с переустройством политической и социально-экономической действительности также являлось детерминантой развития как общеуголовной, так и профессиональной преступности. Не случайно новый пик роста преступности на Юге России, а также в ряде иных регионов в период гражданской войны приходился именно на 1920–1921 гг. [16]. Исследователь

⁶ Дроздовский М.Г. Дневник. Берлин: Отто Кирхнер и К^о, 1923. С. 38.

Н.Е. Тарновский отмечал, что этот рост был обусловлен серьезными кризисными явлениями в социально-экономической сфере, тяжелым положением населения в отдельных регионах страны. Ученый справедливо утверждал: «...Так как запасов прошлых лет в голодающих губерниях не оказалось <...> число осужденных возросло много энергичнее, чем число уголовных дел, как в голодных губерниях, так и в неголодных...»⁷. Максимум процентного отношения уголовных дел при минимуме гражданских в рассматриваемый период времени был достигнут уже во втором полугодии 1920 г.⁸

Заключение

Таким образом, факторами, детерминирующими развитие профессионального ухудшения экономического положения большей преступности в исследуемый период, являлись части населения страны, изменение отношения общества к преступности вследствие идеологического противостояния новым государственным преобразованиям, приведшим к коренной ломке традиционных социальных, политических, экономических институтов, отсутствие эффективных механизмов противодействия как общеуголовной, так и профессиональной преступности, а также некоторые другие факторы. На фоне ярко выраженной политической нестабильности в стране в 1917–1920-е гг., повлекшей кризис традиционного правосознания, эрозию духовно-нравственных и религиозных ценностей, ухудшение социально-экономического положения большей части населения в государстве наблюдалось обострение криминогенной обстановки, особо активное развитие преступности, в том числе и профессиональной, которая создавала реальную угрозу не только обществу, но и национальной безопасности страны. «Старый царский» уголовный мир столкнулся с «новым советским», вследствие чего преступность превратилась в мало контролируемое и чрезвычайно опасное антисоциальное явление, высвободившее «дремлющие» до этого момента всеразрушающие силы профессионального криминалитета, ставшие не только реаль-

⁷ Тарновский Е.Н. Движение преступности в 1920–1921 гг. (по данным нарсудов).

⁸ Тарновский Е.Н. Голод, нэп и движение гражданских и уголовных дел в народных судах.

ной угрозой для действующей советской власти, но «надежным оплотом» для формирования новой «касты» наиболее уважаемых

и почитаемых в криминальном мире – общества преступников-профессионалов, в будущем – «воров в законе».

Список источников

1. Малков В.Д. Преступность как социально-правовое явление, ее криминологические характеристики и основные тенденции в современной России // Общество и право. 2007. № 3 (17). С. 61-70. <https://elibrary.ru/qarljb>
2. Урусов З.Х. От милиции к полиции: проблемы и перспективы // Журнал прикладных исследований. 2023. № 3. С. 141-144. https://doi.org/10.47576/2949-1878_2023_3_141, <https://elibrary.ru/uksqyf>
3. Хипхенов Г.И. Правда и «Кривда» о красных отрядах. Из военно-политической истории периода «Первой советской власти» в Восточной Сибири (1917–1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. № 4 (25). С. 154-175. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-154-175>, <https://elibrary.ru/ylvrva>
4. Сидоров А.А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга первая (1917–1940 гг.). Ростов н/Д.: МарТ, 1999. 164 с.
5. Сидоров А.А. Жиганы, уркаганы, блатари: подлинная история воровского братства, 1917–1940. М.: Эксмо, 2005. 347 с.
6. Поцелуев Е.Л. Амнистии временного правительства России в марте 1917 г. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2017. № 3. С. 25-30. <https://elibrary.ru/zgbvuv>
7. Твердюкова Е.Д. Общество и преступный мир: некоторые аспекты взаимоотношений после Февральской революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 2. С. 29-34. <https://elibrary.ru/pzygnv>
8. Яковлев К.Л., Яковлева О.Н. К вопросу об участии органов центрального отраслевого управления в борьбе с фальшивомонетничеством в Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С. 89-93. <https://elibrary.ru/pysztz>
9. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. 301 с.
10. Ефимкин М.С. Роль «воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 98-99. <https://elibrary.ru/mvnsol>
11. Клейменов М.П., Корнеев Д.В. Криминальные лидеры вчера и сегодня // Вестник Омского университета. 2012. № 3 (65). С. 404-414. <https://elibrary.ru/pgktsl>
12. Важенин В.В., Васильченко Д.А., Зуев Е.А. Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 18-22. <https://elibrary.ru/vkvkbl>
13. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С. 36-39. <https://elibrary.ru/xdryzh>
14. Мальчук О.И. История развития феномена «вор в законе» // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 109-110. <https://elibrary.ru/ycnbgh>
15. Ильин И.А., Лисица Ю.Т. Собрание сочинений (Основное нравственное противоречие войны; О сопротивлении злу силою; Статьи. Письма. Выступления): в 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 5. 608 с.
16. Фидельский С.В. Уголовная преступность как проблема революционной повседневности 1917–1920 гг. (на материалах юга России) // Наука и школа. 2011. № 5. С. 141-143. <https://elibrary.ru/oozovb>

References

1. Malkov V.D. (2007). *Prestupnost' kak sotsial'no-pravovoe yavlenie, ee kriminologicheskie kharakteristiki i osnovnye tendentsii v sovremennoi Rossii* [Crime as a social and legal phenomenon, its criminological characteristics and main trends in modern Russia]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, no. 3 (17), pp. 61-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qarljb>
2. Urusov Z.Kh. (2023). From police to police: problems and prospects. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, no. 3, pp. 141-144. (In Russ.) https://doi.org/10.47576/2949-1878_2023_3_141, <https://elibrary.ru/uksqyf>
3. Khipkhenov G.I. (2017). True and “falsehood” about the red detachments. From the military-political history of the period of the “first Soviet power” in Eastern Siberia (1917–1918). *Izvestiya Laboratorii drevnikh*

- tekhologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies, no. 4 (25), pp. 154-175. (In Russ.) <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-154-175>, <https://elibrary.ru/ylvrva>
4. Sidorov A.A. (1999). *Velikie bitvy ugolovnoy mira. Istoriya professional'noy prestupnosti Sovetskoy Rossii. Kniga pervaya (1917–1940 gg.)* [Great Battles of the Criminal World. History of Professional Crime in Soviet Russia. Book One (1917–1940)]. Rostov-on-Don, MarT Publ., 164 p. (In Russ.)
 5. Sidorov A.A. (2005). *Zhigany, urkagany, blatari: podlinnaya istoriya vorovskogo bratstva, 1917–1940* [Zhigans, Urkagans, Blatars: The True History of the Brotherhood of Thieves, 1917–1940]. Moscow, Ehksmo Publ., 347 p. (In Russ.)
 6. Potseluev E.L. (2017). Amnesties of the Russian Provisional Government March 1917. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: estestvennyye, obshchestvennyye nauki = Ivanovo State University Bulletin. Series: Natural, Social Sciences*, no. 3, pp. 25-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zgbvuv>
 7. Tverdyukova E.D. (2007). Society and criminal world: some aspects of relations after the February revolution. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, no. 2, pp. 29-34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pzygmv>
 8. Yakovlev K.L., Yakovleva O.N. (2013). Participation of agencies of central branch administration in fight against counterfeiting in Russian Empire. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*, no. 1 (25), pp. 89-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pysztm>
 9. Gurov A.I. (1990). *Professional'naya prestupnost': proshloe i sovremennost'* [Professional Crime: Past and Present]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 301 p. (In Russ.)
 10. Efimkin M.S. (2010). Role of “thieves in law” in the organization of criminal activity. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4, pp. 98-99. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mvnsol>
 11. Kleimenov M.P., Korneev D.V. (2012). Criminal leaders yesterday and today. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, no. 3 (65), pp. 404-414. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pgktsl>
 12. Vazhenin V.V., Vasil'chenko D.A., Zuev E.A. (2015). Regularities of formation and development the highest criminal estate in Russia. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, no. 4 (54), pp. 18-22. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vkvkbl>
 13. Shalagin A.E. (2016). Kriminologicheskaya kharakteristika litsa, zanimayushchego vysshee polozenie v prestupnoy ierarkhii [Criminological characteristics of a person occupying a higher position in the criminal hierarchy]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of Mia of Russia*, no. 4 (26), pp. 36-39. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xdryzh>
 14. Mal'chuk O.I. (2018). The history of the development of the phenomenon of “thief in law”. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, no. 5, pp. 109-110. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ycnbgh>
 15. Il'in I.A., Lisitsa Yu.T. (1996). *Sobranie sochinenii (Osnovnoe npravstvennoe protivorechie voyny; O soprotivlenii zlu siloyu; Stat'i. Pis'ma. Vystupleniya): v 10 t.* [Collected Works (The Main Moral Contradiction of War; On Resistance to Evil by Force; Articles. Letters. Speeches): in 10 vols.]. Moscow, Russkaya Kniga Publ., vol. 5, 608 p. (In Russ.)
 16. Fidel'skii S.V. (2011). Criminal crimes as a problem of daily life during the revolution of 1917–1920s (on the materials of Southern Russia). *Nauka i shkola = Science and School*, no. 5, pp. 141-143. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oozovb>

Поступила в редакцию / Received 25.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 26.02.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)